

В.Е. Красовский

Пушкин — создатель лирической концепции творчества

<...>

Знаменитое стихотворение «Пророк», написанное в 1826 году по дороге из Михайловского в Москву, куда опальный Пушкин ехал для встречи с царем, по традиции рассматривается в ряду стихотворений о поэте и поэзии. Действительно, в представлении романтиков поэт и пророк сливались в одном человеке. Пушкинская трактовка проблемы существенно иная.

Поэт и пророк, образы которых созданы в пушкинской лирике, имеют немало общего («вещие» зрение и слух) и одинаково важны для людей. Бог — и никто другой — призывает обоих к служению. Они дополняют друг друга. Но все-таки пушкинский пророк и пушкинский поэт не сливаются в одном существе. Поэт живет среди людей, пока не захвачен вдохновением. Только для творчества он оставляет людей. Попробуйте представить пророка «в заботах суетного света»! Не кощунством ли будет считать его самым «ничтожным» среди «детей ничтожных мира»? От поэта-пророка, посредника между Богом и людьми, исполнителя воли Бога, люди ждут огненных слов. Бог посылает пророка в мир, чтобы тот «глаголом» жег людские сердца, то есть передавал в слове жар своего сердца (оно — «уголь, пылающий огнем»).

Пророки ждут от людей внимания и понимания. Люди внемлют пророкам «в священном ужасе», разгадывают смысл их слов. Так ли слушают поэта? Думал ли Пушкин, создавая образ поэта о том, что поэт является людям в облике пророка? Пророк — величественное порождение Бога. Это человек, который вознесся еще при жизни выше людей, — у него все не такое, как у них: зрение («вещие зеницы»), слух (он слышит весь мир «по вертикали», все звуки вняты ему), язык («жало мудрая змеи») и сердце («уголь, пылающий огнем»). Он посланник Бога на земле, исполнитель его воли.

Сердце поэта не «уголь, пылающий огнем», — это обычное, «трепетное», человеческое сердце. Он «волнует, мучит, как своенравный чародей», сердца других людей. «Чернь тупая» сама говорит об этом в стихотворении «Поэт и толпа». «Волнует», «мучит», а не жжет, не опалает словом истины! С языка поэта срываются «звуки сладкие» (прекрасные, гармоничные) и молитвы. Поэт гибок: звуки его голоса могут быть не только нежными и чарующими, но и гневными, беспощадными. Он может хлестать толпу «Ювеналовым бичом» сатиры:

Молчи, бессмысленный народ,
Поденщик, раб нужды, забот!
Несносен мне твой ропот дерзкий...

(«Поэт и толпа»)

Слова, с которыми обращается поэт к людям, — многоцветны. Они отражают его мир, в котором гармония рождается из хаоса и «лирического волнения». Самое главное: у поэта есть то, в чем отказано пророку, — собственная воля, он не является исполнителем воли Бога. Бог, наделяя поэта частицей своей творческой силы, избирает его для другого «подвига благородного» — для творчества.

Пророка и поэта роднит способность видеть мир таким, каким его никогда не увидит простой человек: они оба видят его скрытые, тайные стороны. Но пророк не использует это всеведение для творчества, для поэта же всеведение — только первый этап, начало творчества, первый шаг по дороге, ведущей к гармонии и красоте. Пророк «поправляет» мир — поэт отражает мир. Пророк несет людям слово Божье — поэт создает свои слова. Они оба обращаются к людям, открывая им правду о земле и небе. <...>